

А.А.ДЕНИСЕНКО

ДОКТОР ШИЛЛИНГ

история одной пандемии

18+

Алексей Алексеевич Денисенко
Доктор Шиллинг.
История одной пандемии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57177625

SelfPub; 2020

Аннотация

В игровой, немного фантастичной, но, вместе с тем, предельно реалистичной форме показаны события конца 1980-х, связанные с переходом к рынку. Книга писалась с 1987 по 1991 год, происходящее в ней можно рассматривать как свидетельство очевидца. Действие происходит в разные времена: от древности до настоящего времени; на огромных просторах: в скифских степях и в разных уголках Советского Союза. Предугаданы многие современные события... Герои, от скифов до современников, от фантастических существ до почти реальных персонажей по-разному принимают и переживают небывалую эпидемию, охватившую мир. Неизвестный вирус и великий врачеватель...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	14
3	20
4	31
5	39
6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

– Игра занимает меня сильно, – сказал Германн, – но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее.

– Германн немец: он расчётлив, вот и всё! – заметил Томский.

«Пиковая дама»

Часть первая

1

Назло всезнающей статистике, утверждающей, что простудные заболевания с насморком, чиханием из-за досаждающего свербежа в носу, с постоянными слезами, от которых нет спасения, и глаза бывают красными и нездоровыми, случаются чаще всего весной или осенью, означенными выше недугами в указанные сроки Семён Савельевич Фазаратов никогда не страдал. Все респираторные несчастья настигали его в самый неподходящий для этого период: в сухое, жаркое лето, ближе к середине августа, когда прошли уже дожди, сопровождающие обычно Ильин день, а сентябрьская промозглость ещё не начиналась.

Семён Савельевич переносил свои болезни спокойно и воспринимал их как неизбежные издержки своей редкой профессии.

Это был мужчина с внешностью, о которой в протоколах следственных органов пишут, что «особых примет не имеет». Впрочем, профессиональное покраснение глаз и хлюпанье носом можно было бы отнести к «особым», если бы приметы эти перешли в хронические или, хотя бы не в такие быстротечные, что, исчезнув вдруг, смогли бы навре-

дить следствию. Незаметность внешности Семён Савельевич также относил к необходимым приобретениям своего ремесла, в котором он достиг уже значительных успехов и филигранной сноровки. Семён Савельевич Фазаратов был вором.

«Тю-ю! – скажет разочарованно кое-кто. – И чего ж такого необыкновенного? Теперь все воруют...» Согласны: «тю», но «тю», если не знать Семёна Савельевича. А вот этим мало кто сможет похвастать. Дело в том, что работал он всегда один и никогда не делал ошибок, свойственных нетерпеливой молодости или рассеянной старости: это был уравновешенный мужчина сорока трёх-сорока шести лет с ясным умом и задумчивым характером. Он всегда любил работать темными августовскими ночами, когда Луна видна как узкий серп вместо полного диска, в эту пору лишь чуть подсвеченного «пепельным светом» отражённого от Земли потока.

Нелетний уже холод ночей, сменявший дневной зной вянущего степного разнотравья, к полуночи делался неприятным, а к утру становился невыносимым. Обильные росы в конце холодных степных ночей как раз и были причиной не вписывающихся в статистику летних насморков Семёна Савельевича.

Это только на первый взгляд может показаться, что в безлюдной степи вору делать нечего. Так вот, Семён Савельевич Фазаратов был могильным вором и обладал завидной квалификацией специалиста по древним захоронениям.

Казалось бы, чего проще – бери лопату, извлекай: ни тебе

охраны, ни сигнализации, ни случайных свидетелей. Но ничего подобного. Во-первых, свидетели могут случиться в любом месте, а, во-вторых, профессия вора-археолога требует особенно редких качеств. Всеми такими качествами Семён Савельевич был наделён сполна. Он был смел, расчётлив, имел сверх сказанного отменный вкус и все необходимые навыки по астрономии, географии, археологии, истории, знал древние языки, словом, как нельзя лучше годился для выбранного им поприща.

Сентябрьские дожди усердно из года в год смывали даже те неуловимые следы, которые оставались после работы осторожного кладоискателя. Семён Савельевич был спокоен за будущее. Но, увы, и на старушку бывает прорухка. Однажды произошло событие, переменившее всю жизнь Семёна Савельевича. И не только его одного.

Что и говорить, тяжело служить непристойному делу. Семён Савельевич же вором себя не считал, а своё занятие заносил в разряд благородных, справедливо полагая, что некоторые вещицы, оставленные им для себя при сближении древних культур с современностью, являются лишь ничтожной частью заслуживаемого им вознаграждения. К своим раскопкам он готовился задолго и одинаково тщательно с азартным самозабвением, выраставшим к концу срока до размеров полновесного вдохновения. Так было и перед той ужасной августовской ночью.

Места раскопок находились в отдалении от каких-либо

населённых пунктов. Маршрут приходилось запоминать по карте, не делая на ней никаких пометок или записей. Необходимые инструменты Семён Савельевич помещал в ящике из листового железа, прилаженном сбоку к багажнику велосипеда, со счётчиком пути и с фарой, светившей от квадратной батарейки. Во втором ящике лежали продукты. С таким нехитрым оборудованием и фальшивыми документами археолога пускался путешественник в свои нелёгкие предприятия. В тот роковой раз путь его лежал через алейские степи, где затерялись скромные родственники всемирно известных Пазырыкских курганов.

«Удивительный ландшафт – степь! И как же к ней подходит определение – открытая местность, – размышлял Семён Савельевич, ритмично нажимая педали, – я бы даже сказал – откровенная местность. Никакой тебе толкотни, светофоров, машин. Только в степи да в море бывают прямые азимуты... Тыфу ты, пути!» – Семён Савельевич бросил взгляд на компас, где зелёными точками засветились фосфорные «юг», «восток» и «запад», а «север» был выделен коротенькой палочкой.

Солнце село. Начинало уже темнеть, и Семён Савельевич, наметив последний ориентир в пути этого дня – холм километрах в пятнадцати на юго-запад, включил фару и приналёг ещё, распугивая каких-то мотыльков и кровососов, делавших слабый пока электрический луч живым и толстым. Заря, занимавшая красным полнеба, постепенно отодвину-

лась, потемнела, и сквозь неё начали проступать звезды и созвездия.

«Ты посмотри! Арктур-то как раз над холмом... Ах, степь, степь!— Семён Савельевич даже остановился от благодарности к звезде, неожиданным маяком засиявшей прямо над последним его ориентиром.— Вот уж воистину — Путеводная звезда... Альфа Волопаса. Так назвать созвездие могли только степные люди...»

— Во-ло-пас! — повторил Семён Савельевич в голос и двинулся осторожно в сторону жёлтого Арктура, без согласия зачисленного им к себе в напарники.

Заря погасла. Древние созвездия с причудливыми именами полновластно хозяйничали на открытом во все стороны чёрном куполе, казалось переходившем где-то за фарой в таинственную гладь равнины.

Благополучно завершив последний кусок дневного маршрута, Семён Савельевич начал готовиться к ночёвке. Холм, где он задумал сделать привал, был покрыт зарослями шиповника и какого-то ягодника, так что за дровами пришлось сходить в берёзовый колок неподалёку. Насвистывая любимый марш из Свиридовских иллюстраций к «Метели», Семён Савельевич принялся готовить яму для костра лопатой со складным черенком. Как вдруг...

«Чёрт возьми! Да это же!.. — но чем отличается опытный профессионал от импульсивного дилетантишки, которому любая мысль, посетившая его, мерещится великим открыти-

ем? Тем, что он не спешит делать выводы. – Чёрт возьми, – уже спокойнее продолжал Семён Савельевич, – это надо обмозговать...»

Благоразумно решив, что утро вечера мудренее, Семён Савельевич после лёгкого ужина забрался в палатку, где и заснул вскоре спокойным сном умеющего властвовать собой человека.

***

«Господи, да когда же это кончится!.. Ниночка, пригласите следующего», – подумал молодой пока врач-психиатр, а вслух произнёс только то, что начиналось с Ниночки.

Он бросил ленивый взгляд на тёмно-рыжую девушку с крупными губами, выделенными из лица помадой невыносимого цвета, стал переводить глаза вниз по фигуре, ненадолго задержался к удовольствию Ниночки на изрядно распахнутом грудью халате. Потом, опять же машинально, дошёл до ног и сморщился. Он всегда это делал, когда видел некрасивые ноги. Ноги были, в общем-то, ничего, но с такими большими и немного вывернутыми внутрь ступнями, что ступни эти невольно казались красными и привлекали внимание. Этому вульгарному наваждению не мешали даже и белые носки с пожелтевшими пятками.

– К сожалению, Моисей Архипович, красители и на итальянской обуви не совершенны, – обиженно надула губы Ни-

ночка.

– Да, да простите. Пусть входят.

Ниночка дёрнула дверь и крикнула:

– Следующий... Да заходите же!.. Никого нет.

Моисей Архипович с удовольствием потянулся, снял тёмные очки, потёр глаза и сказал с радостью:

– Очень жаль! Ничего нет интереснее практики, – потом обратился к злому лицу медицинской сестры: – Нина, дорогая, не злитесь. Ведь мы же с вами лучше других знаем, чем грозит потеря нервных клеток. Ну, будьте умницей, улыбнитесь. Во-от!

Он встал, прошёлся по комнате, закрыл окно, снял халат и получил в джинсах и в сером джемпере поверх белой рубашки с узеньким галстуком, похожим скорее на шнурок.

– Нина, а цветы мы сегодня поливали?.. Тогда до завтра.

– Всего! – хлопнула дверью Ниночка, через минуту стук её итальянских каблучков послышался уже за окнами кабинета.

Моисей Архипович уходить не торопился. Он вынул из шкафа толстый портфель, открыл его, достал бутылку кефира и булку, завернутую в бумажную салфетку, потом выпил кефир и съел булку, рассеяно помыл бутылку и бросил салфетку в урну под столом.

– Ну-с, приступим, – с этими словами он извлёк из портфеля внушительных размеров книгу в чёрном переплёте с золотым тиснением «Гипноз» на немецком языке и углубил-

ся в чтение, лишь изредка заглядывая в словарь, тоже вынутый из рыжего портфелища.

Через час, примерно, он встал, почувствовав духоту, открыл окно и посмотрел в освещённую уже зажжёнными фонарями аллею из тополей. «Пора бы домой. К чёрту эту работу! Займусь-ка я практикой на дому. А что? полставки первое время здесь, остальное – дома. Так, завтра же пишу заявление».

Он выключил свет, вышел и закрыл кабинет на ключ. Смутное предчувствие чего-то значительного, не оставлявшее его в последнее время, усилилось, а когда он отдал ключ дежурной санитарке и, повернувшись к выходу, упёрся взглядом в плакат на двери, предчувствие это заставило его задрожать. Стук его зубов разбудил задремавшую было санитарку. Она немедленно подняла мутные от сна глаза, сконфузилась, но быстро оправилась, зачем-то подвигала телефон и посмотрела на часы.

– Холодно сегодня. Вы не продрогнете в этом джемпере?

– Нет, – отвечал Моисей Архипович, как замороженный глядя на плакат, – всё н-нормально.

На плакате был нарисован врач, пациент и болезнь в виде того же пациента только зелёного цвета. Врач и болезнь тянули больного в разные стороны, а надпись сверху спрашивала: «Нас трое. На чьей стороне ты? Выбирай!»

Оцепенение спало только в проходном дворе, куда вела тополияная аллея, но стук зубов не прекратился. Причиной

теперь был уже холод. «Так и п-пневмонию получить недолго, – мелькнула опасливая мысль и тут же растаяла в виде довольной улыбки на тонких губах. – Ну, теперь-то уж нет!»

Моисей Архипович представил что-то и улыбнулся счастливейшей улыбкой.

– Метод Шиллинга, – просмаковал он свою фамилию, – мы подвинем кое-кого с пьедестала! Это надо хорошенько обмозговать.

2

– Это надо хорошенько обмозговать, – бубнил про себя во время неизменных утренних процедур поднявшийся с зарей Семён Савельевич.

Кроме сдержанности мастера своего дела он отличался сверхъестественной к тому же интуицией – капризной хозяйкой всех великих открытий. Именно она и была причиной того, что Семён Савельевич недоумённо вертел в руках после завтрака кусок дерева, чудом не попавший вчера в костёр.

– Да, сомнений быть не может. Но откуда оно здесь?..

Семён Савельевич начал обходить холм вокруг. Капли росы играли на солнце, и казалось, что холм усыпан крохотными алмазиками. Но фальшивые бриллианты эти нисколько не занимали задумавшегося Семёна Савельевича, к тому же они доставили лишние ему хлопоты посредством промокнувшей насквозь одежды. Он уже собирался заняться её сушкой, как заметил едва различимую в траве, видно от весенней воды, промоину, с вершины холма сбегавшую в колок, куда он накануне ходил за дровами.

– Так-так-та-ак! неужели водой из хол... Да это же!.. – осенило его, и он тут же сообразил, что всё – ехать дальше уже не надо.

Подготовка отняла целый день. В последний раз беззабот-

но полюбовавшись степным закатом, Семён Савельевич Фазаратов приступил к раскопкам. Начиналась та самая роковая и ужасная для Семёна Савельевича степная августовская ночь.

***

– Нина, я хочу с вами поговорить, – удивил медсестру Моисей Архипович. – Пациентов больше не будет, так что есть время.

– Хотите сделать предложение? – с надеждой сострила Ниночка, – давайте!

– Нет. Хотя... да, – Моисей Архипович помолчал. – Нина, а вы где учились?

– В медицинском, – разочаровалась Нина и с вызовом вскинула голову. – В училище, разумеется, не в институте!

– Вы много можете назвать неизлечимых заболеваний? – Моисей Архипович с трудом уже умирал себя.

– М-много, – совсем ничего не понимая промычала де-вушка.

– Ну, давайте, давайте, называйте: рак!.. – загнул радостно палец Моисей Архипович, – ...раз! вирусы – два!..

– И этого хватит! – наморщила лоб Нина, но тут же разгладила. – Чего вы хотите?

Моисей Архипович и не заметил её вопроса. Он сверкал очками, часто дышал, говорил по-латыни и загибал пальцы.

– ...Ниночка, добавьте ко всему ещё разные нежелательные животы, горбы, кривые ноги, недостаток роста...

– Причём здесь пузатые горбуны с карликами! – взбеленная Ниночка, потому что, говоря про ноги, Моисей Архипович посмотрел на неё, как ей показалось, с ухмылкой. – Зачем вы все время издеваетесь? Что я виновата!?

– Минутку, Нина, – схватил за плечи разъярённую девушку Моисей Архипович. – Послушайте меня. Я вовсе не хотел вас обидеть. Я хочу открыть вам тайну. Пять лет назад я увлёкся йогой, гипнозом, много читал, думал, наблюдал... И! Большинство болезней и уродств, несовершенств и... короче говоря, из того, перед чем бессильна ортодоксальная медицина, можно легко вылечить или исправить моим методом...

– Что-то я про такой не слышала, – буркнула Нина.

«Чёрт возьми! объяснять этой дуре...» – мелькнуло в голове у доктора.

– Ниночка, а вы и не могли о нем слышать. Это не входит в программу медицинского училища. Уверяю вас, ничего подобного слышать вам никогда не приходилось!

Моисей Архипович бросился к шкафу и выдернул из него неизменного рыжего своего спутника.

– Вот почитайте! – бережно вытянул он из портфеля три машинописные странички и положил их на стол перед девушкой. – Читайте, читайте!

Пока Нина читала, Моисей Архипович наблюдал за её лицом, которое сменило на себе по очереди выражения злости,

потом удивления, скуки и приняло окончательно раздражённую гримасу.

– Что это такое?

Моисей Архипович ответил не сразу. Он положил ладонь на руку девушки, приблизил лицо к ней до неприличного расстояния и торжественным голосом отчеканил:

– Это фундаментальная наука.

– Моисей Архипович! Это не наука, это бред! – взбесилась опять Нина, с силой выдёргивая руку.

– Я ждал от вас именно такой реакции. У вас чрезвычайно выражена психическая активность. Это очень хорошо.

– Вы – ясновидец! – съязвила Нина. – Но зачем вам частная практика? Кто к вам пойдёт?!

– Об этом поговорим позже, – вдруг ставшим низким голосом произнёс Моисей Архипович. Он вытянулся, лицо его побледнело и замерло в злобной гримасе, только губы, тонкой извилиной шевелясь, заставляли смотреть на них, не отрываясь.

Моисей Архипович сорвал очки и вдруг в глазах его вспыхнул синий огонь.

– Мама! спасите! – вскрикнула было перепуганная Нина.

– Спать! – ударило ей в мозг, и она тотчас провалилась в забытьё.

– Хорошо, хорошо-о! – пробивалось до неё сквозь обморочную пелену, – хорошо. Ты становишься меньше, ты уменьшаешься, уменьшаешься...

В это время в кабинет без стука заглянула дежурная, привлечённая криком Нины и громовым «спать» Моисея Архиповича. То, что увидела она, заставило помутиться её разум, и, держась за дверь, она медленно без чувств сползла на пол.

Когда старушка пришла в себя, она услышала в кабинете снова уже два негромких голоса.

– Ну как же я теперь домой пойду? – слабо спрашивала Нина.

– В смысле?..

– В смыс... – не хватило сил на крик у Нины, и она закончила шёпотом. – В смысле, туфли-то теперь мне большие!

Тут девушка что-то вспомнила, и скопившиеся чувства пролились горючими слезами.

– Это теперь и сапоги менять, – размазывая по щекам поплывшую косметику, всхлипывала измученная Нина. – Где я столько денег возьму?

– Ниночка, не плачьте. Я владею самым мощным в мире методом лечения практически любых болезней. Мне нужна ассистентка, секретарь, жена, наконец.

Моисей Архипович подошёл к Нине и поцеловал её в лоб.

– Когда ты отдохнёшь от этой встряски, привыкнешь к новым ногам... – доктор залюбовался стройными ножками с миниатюрными ступнями, на которых чудом держались просторные теперь носки, и сбился с мысли.

– ...Да, – вспомнил он, – тогда мы станем получать такие деньги, что сапоги, да что – сапоги?! – меховые шубы! дра-

гоценности! автомобили, чёрт возьми! ты сможешь менять каждый день!.. На здоровье и на детей люди денег никогда не жалеют.

Огненная речь Шиллинга не произвела ошеломляющего действия. Нина лишь устало улыбнулась и согласилась.

– Вот и хорошо. А пока будешь отдыхать. Дней за десять мозг восстановится, и ты приступишь к работе. Сейчас поедem домой, я на машине.

Последние слова доктора уже не услышала стоявшая под дверью дежурная санитарка. Она торопливо катилась вниз по лестнице и оказалась на посту как раз в тот момент, когда Моисей Архипович с измождённой Ниной выходили из кабинета.

3

– Нет, теперь ты послушай меня! Безусловно, ты прав: я им не нужен. Но они-то этого не знают, и моя задача – убедить их в обратном, – допивая кофе, продолжал какой-то разговор мужчина в модных дымчатых очках и в сером костюме поверх клетчатой сорочки с клетчатым галстуком.

Он и его грузный собеседник были завсегдатаями низко-разрядного кафе. Они приходили туда в обеденный перерыв из конторы неподалёку, чтобы выпить чашечку кофе и съесть сырную палочку или булку с корицей, с незапамятных времён обещанные ассортиментным минимумом под засиженным мухами стеклом.

– Я для них кто? Архитектор из солидной фирмы, занимающейся жильём. Так?

– Ну, так...

– Так! Во-первых, им необходимо заключение комиссии по состоянию жилого фонда, а, во-вторых...

– А какое отношение имеешь ты к этой комиссии? – перебил его грузный.

– Во-от! Надо, чтобы меня рекомендовали в неё. И это может сделать наш Поклонский. Кстати, подкинь ему эту идею.

– ...Во-вторых, – разговор продолжался уже на улице, куда приятели проникли через стеклянную дверь с закрываю-

щим устройством в виде тяжелой ржавой гири на тросике, делавшим дверь непреодолимым препятствием для людей слабосильных и для деликатных, впервые пытающихся попасть в помещение, — ...во-вторых, в числе прочих я обязательно дойду и до нашего дома. И тогда уж всё в моих руках!

Во время последних слов архитектор сжал кулак и посмотрел в него так, будто это самое неведомое «всё» уже давно там лежало.

— Так ты подбрось шефу мысль!

— Для тебя, Толя, с удовольствием. Однако согласишься, архитектор, который добивается сноса старинного дома... Не боишься ты греха!

Они вошли в вестибюль конторы, оказавшейся громадным научно-проектным учреждением, приветливо кивнули своим фотографиям на доске «Лучшие люди института» и поднялись по лестнице на второй этаж, где находилась комната с их рабочими местами.

В просторный холл перед стеклянной дверью уютной лоджии в конце коридора струился никотиновой дорожкой из прокуренного воздуха луч солнца. Он начинался из дырки в помещённом между перекрытием и полом лоджии жестяном щите, который вместе со своими верхними и нижними братьями нёс долю идеологической нагрузки, доставшуюся этой части здания. С улицы, если поднять голову, на щитах можно было прочесть фразу: «Слава советским строите-

лям!» с колоссальным восклицательным знаком. Обратная сторона щита представляла собой уникальную выставку архитекторов-насмешников. В отверстие, откуда светил луч, ползла цепь из нарисованных муравьёв, причём самый крупный был внизу, а самый маленький – хитро изображён только наполовину. Другая половина его как бы пролезла уже на волю и свесилась на улицу в поисках опоры для передних лапок. Под внутренней половиной муравья был приклеен угол фальшивого доллара с полной иллюзией, будто он торчит с улицы. Вдоль плавно ползущей цепи змеёй извивалась фраза какая-то неразборчивая фраза на английском языке.

Хилое дежурное освещение лишь слегка помогало привыкающим к темноте глазам, но оно все же не позволяло дневному свету добраться до пола – никотиновая дорожка переходила в сплошной туман.

Когда глаза всё же привыкали к темноте, вернисаж представлял в полном великолепии. Тут можно было увидеть группу скорбящих снеговиков, со снятыми вёдрами в руках, склонивших головы над ванной, где плавала морковка. Рядом сюжет, и тоже с морковкой, имел совсем иное содержание. Он был календарным планом работы архитектурной мастерской за прошлый год, и на нём с периодичностью метрического ряда (совпадение это или же дело рук грамотного архитектора – сказать трудно) красные морковочки обозначали время, проведённое сотрудниками на полях и в кладовых подшефных хозяйств.

Нельзя не остановиться и на проблемной акварели из коротенького рубля и такого же рубля, но намного длиннее. Обе купюры лежали горизонтально и соблюдали все законы линейной перспективы; короткий рубль заканчивался хмурым фасадом типовой многоэтажки, но вот длинный... Он переходил в сияющий дворец, о каком даже в розовый период романтического барокко... Но кто его знает, о чём мечтали наши романтические предки?.. И кто знает, о чём думал творец денежных диаграмм, чья рука подчинилась бесспорному таланту?..

Оставив холл с вернисажем слева от себя, любители кофе открыли дверь и застали чрезвычайно любопытную и громкую дискуссию.

Начальник мастерской с увесистым взглядом и с седеющей бородой, цвет которой в точности повторялся костюмом, галстуком и ботинками, слушал свирепого молодого человека, от ярости вокруг него пританцовывающего. И весь вид его говорил: «Вот чёрт бы тебя взял! и уволить нельзя...»

– Почему, объясните мне! почему я, окончивший институт с отличием, я подчёркиваю – с от-ли-чи-ем! – получаю такую смешную зарплату и вынужден выполнять работу техника?! Я – архитектор, творец! Вдумайтесь: Архи-тектор – главный строитель!

Юноша гордо ударил себя в грудь и оставил пятно туши на белой рубашке.

– Я не подмастерье, я – мастер! А приходится расходовать

себя на халтуру, на дипломные работы безграмотных заочников, которые, заметьте, уже занимают высокие посты!

Начальник не выдержал (он сам когда-то заочно окончил какой-то институт) и налился краской так, что только одежда, борода, брови и то, что осталось от шевелюры, не изменили цвета.

– Всё! Садись и работай!.. Творец!.. Да ты даже пожарную сигнализацию в интерьер вписать не сумеешь... Главный строитель!

– Деньги платили бы, не беспокойтесь, разместили бы! – бурчал уязвлённый подмастерье. И был он в своих глазах архитектором ранга, ну, хотя бы... Августа Монферрана.

***

А дело было в шляпе. В обыкновенной летней шляпе, какие носили совсем ещё недавно для важности многие некрупные руководители и добавляли к ней при продвижении по службе ещё очки и поршневую ручку с пером и чёрными чернилами «Радуга» внутри, начисто отвергая шариковых её сестёр.

Шляпа ехала в троллейбусе на голове круглолицего и краснощёкого (даже на черно-белых фотографиях в документах) гражданина с хромовой папкой под мышкой. Иван Иванович Корбюзьяк – с недавнего времени начальник архитектурно-реставрационного управления – несмотря на свою

фамилию, вообще о строительстве никакого понятия не имел. До своего теперешнего поста он тихо жил в одном из последних исторических переулочков города и ходил на службу в особняк с колоннами, где занимал должность инструктора по проблемам городского транспорта. Кому неизвестно, что такое сокращение штатов, тому не понять душевного состояния Ивана Ивановича в минуту объявления начальством неожиданного и незаслуженного приговора. Больно было вспоминать, как он вышел, как в последний раз оглянулся на неприветливое теперь – серое здание и направился от него в сторону...

Очнулся Иван Иванович от тычка в спину.

– Товарищ, вы спите? Выходить собираетесь?

Иван Иванович обладал высоким ростом. Держась обеими руками за поручень, он присел, завёл глаза немного под лоб, посмотрел сквозь окно:

– Нет, мне на следующей.

– Так пройдите же, пожалуйста, внутрь!

Иван Иванович и так находился в самом нутре транспортного средства, а потому сказал:

– Спасибо, мне и здесь хорошо.

Лучше бы он так не поступал! Когда дверь на остановке открылась, любопытные прохожие и потенциальные пассажиры уже осаждённого троллейбуса увидели, как вслед за шляпой, выброшенной из троллейбуса чьей-то бессовестной рукой, грузно вывалился бедный Иван Иванович с обижен-

ным лицом цвета тёмного сорта черешни. Руки, занятые хромовой спутницей, принадлежи они хоть гимнасту или акробату, не спасли бы беднягу от удара головой по тротуару, но, к счастью, у самого асфальта его подхватили чужие и чрезвычайно цепкие. Ивану Ивановичу помогли подняться, потом одна рука отпустила его пиджак, подобрала шляпу, надела её на голову Ивану Ивановичу, и только после этого решительный голос потребовал:

– Ваш билет!

Глаз спасённого скопился в сторону, где нашёл на руке с пиджаком в горсти красную повязку со словом «контролёр». Билета у Ивана Ивановича не было. Но он уже вернулся в себя времён службы инструктором по транспорту, деликатно, но настойчиво освободился от руки общественного, как он ошибочно полагал, контроля и строго сказал её хозяину:

– Не советую нарушать инструкцию! Проверять билет у гражданина, покинувшего транспортное средство, категорически запрещено, – Иван Иванович так надавил на слова «категорически» и «запрещено», что горе-контролёр должен был побледнеть от страха, но тот вместо бледности имел на роже румянец, и какой!

– Ваше удостоверение! – рокотал Иван Иванович, – удостоверение! Я этого так не оставлю!

– Не ори, – ласково и тихо нахамил невозмутимый контролёр. – Держи!

В оригинально изданном типографским кооперативом

удостоверении сообщалась принадлежность его владельца к артели под названием «Сильные руки», работавшей под девизом: «Бывший спортсмен – безбилетника в плен!» Эта хозяйственная артель образовалась совсем недавно.

Иван Иванович был озадачен, но продолжал оборону.

– Так что, для вас закон не писан?..

– Писан, писан. А вот инструкция поменялась. Попрошу билетик.

– Билеты у друга... он дальше поехал... – неуверенно проворчал Иван Иванович и окрасил лицо предательской тёмной краской. – Нет у меня денег, и забыл я про билет, – промямлил жалобно потерянный Корбюзьяк и отвернулся.

Широкое и плоское лицо бывшего боксёра потеплело и сделалось сострадательным, вступила в действие могучая ладонь и без замаха сообщила спине Ивана Ивановича завидное ускорение.

Иван Иванович разошёлся так, что прошагал мимо кафе со знаменитой дверью-тренажёром и приблизился к цели своего пути, так несчастливо наполненного описанными событиями. Он вошёл в институт со здравицей строителям на фасаде и в вестибюле остолбенел. Прямо на него с доски «Лучшие люди» пялило глазищи изображение контролёра-артельщика. Правда, к чести Ивана Ивановича он нашёл его не таким уж и бесстыжим, тем более что под фамилией стояло: «специалист группы исторической застройки».

Все крупные учреждения, особенно научные институты,

имеют одно общее свойство: там невозможно с первого раза найти хотя бы комнату нужного вам без взаимности человека.

Ивану Ивановичу с лёгкой, выражаясь фигурально, руки контролёра начало неудержимо везти. Неожиданно он наткнулся на замечательную картину и от восторга остановился. Руки его, чтобы не уронить папку вцепились в неё с таким усердием, что, если бы не сладкий обморок, тёплой, интимной волной пробежавший от мозга к животу, то Иван Иванович, без сомнения, застонал бы от боли в поломавшихся ногтях.

Дело заключалось в том, что Корбюзьяк был хотя уже и не молод, но ещё и не стар. По уже независящим от его настойчивости причинам женщины любили его теперь реже, а их коварное притворство год от года становилось все недолговечнее и безыкуснее. Иван Иванович был холостяк. На кого из холостого брата не производили рокового действия восхитительные ножки красоток в мини?! Но и сколько семейных драм порождали с опозданием спрятанные искры в глазах неосторожного семьянина, благочинно шествующего с супругой навстречу молоденькой ветренице?! Драмы эти перерастают в настоящие трагедии, когда проклятые предательские искры не гаснут после слов супруги, к примеру, таких: «О, кукла пошла! Намазалась!! Какая безвкусица!!! Я бы никогда... Уголки у рта опущены – рано постареет...» Не каждый изловчится вовремя вернуть: «Где? Я и не заме-

тил», – и нельзя понять, что именно «не заметил» бедняга, и как же трудно потом ему вспомнить, о чём был прерванный разговор... Эх! Эх-х...

В холле этажа, где медленно приходил в себя Иван Иванович, вместо вернисажа, как на втором, стоял теннисный стол, и голубоглазая блондинка на высоченных каблуках, в джинсовой юбочке весело и шумно махала ракеткой на пару с мужчиной в строгом сером костюме и в ярком красном галстуке.

Рядом со столом, но чуть в стороне, играли в шахматы. Горящие взоры игроков рождали предположение, что спортивные пятиминутки, во время которых, в основном, и совершались эти баталии, играют не последнюю роль в трудном явлении утреннего желания идти на работу. «Ну, сегодня-то я уж в великолепной форме! Сегодня-то я уж все-ем буду мательники корячить!» – ещё в постели разрабатывал стратегию предстоящего дня какой-нибудь неукротимый шахматный душегуб, и сердце его наполняла отвага, бодрость оживляла расслабленные отменным сном его отдохнувшие члены.

Прозвенел звонок. Ещё несколько минут доигрывались теннисные и шахматные партии. Наконец игравшие потянулись кто куда, и Иван Иванович смог обратиться к блондинке, когда та, разгорячённая, проходила мимо него:

– Простите, вы мне не можете? У вас такой огромный институт. Прямо не институт, а дворец... спорта, – Иван Иванович волновался. – Мне нужно в отдел исторической

застройки.

– А-а, идёмте, мне как раз туда.

Девушка успела уже отдышаться, капли пота не нависали больше над её длинными ресницами.

Через несколько минут Иван Иванович встретился с Поклонским, и между ними состоялся разговор.

Разговор начался совсем не так, как мыслилось Моисею Архиповичу. Главный врач несколько не удивился, а, прочитав заявление, спросил:

– Вы давно это решили?

– А это имеет значение?

– Согласен. Не имеет.

«Что же делать? Как же узнать?» – размышлял главврач во время интеллигентской изменницы-улыбки, показавшей гнилые и через один, но крупные зубы жёлтого цвета.

– Значит, хотите поработать самостоятельно?

Моисей Архипович кивнул на заявление:

– Там все написано.

– Похвально... Я занят! – крикнул главный на открывшуюся дверь, и та послушно защёлкнула замок. – Но ведь не справитесь в одиночку, кто-то же должен помогать, – главврач, будто вспомнив, спохватился: – А в кабинете у вас кто остался? Нина?

«Что это он крутит? Неужели пронюхал?» – заподозрил неладное Моисей Архипович, и недаром! Пронюхать Адольфу Митрофановичу Баранову было чем. Инструмент для этой работы занимал у него на лице добрых пятьдесят процентов и, чего скрывать, не относился к предметам гордости хозяина, однако исправно служил мощной консолью для

очков с соразмерными габаритами. А переносным «пронюхать» занимался почти весь коллектив первой государственной поликлиники района. Поликлиника была не только первой в районе, но и единственным и, пожалуй, самым любимым местом лечения жителей. О неизбежном конце этой монополии возглашали со стены районного торгового центра торжественные обещания: «Социальная программа...» Такие же обещания были провозглашены и на половине афиши у кинотеатра. В конце текста программы стоял восклицательный знак, только он был на магазине смыт дождём, а на афише – выцвел от времени.

– Нет, Нины сегодня не будет... приболела, знаете.

– Да-а?! Сапожник без сапог... без сапожек, говорю, сапожник-то, – покачал головой Адольф Митрофанович, аж зайчики света метнулись от темных линз, наперегонки врезались в элегантную преграду на глазах у Моисея Архиповича и там рассеянно и тихонько пропали.

– Ну что ж, говорите, что знаете.

– Я знаю всё. Но, честно говоря, не очень верю... Мы ж в двадцатом веке.

– Именно, в двадцатом! – Моисей Архипович оглянулся на дверь, перешёл на шёпот: – Вы правы, мне нужен грамотный помощник, вот только вы – неуч и плут!

Он дал словам переработаться в жёлчь внутри у собеседника, а когда её там накопилось сколько надо, продолжал:

– Вы опытный организатор, мне годится такой компаньон.

Слушайте, начну с того, что и вам понятно.

– Ну, потрудитесь, потрудитесь!

– Что нужно, чтобы лечить больных?

– Лекарство, но я не претендую на истину в конечной инстанции, – оттенил своё владение диалектикой Баранов.

– А чтобы вылечивать?

Главврач наглецов не любил. Он умел ставить их на место. Для этого им применялся один элегантный и безотказный способ: блеск эрудиции. На этот раз она засверкала, как рефлектор на лбу у коллеги из лор-отделения, исполнила затайливейшее путешествие по стране и за рубеж, где постепенно и потухла, обнаружив дырку в самом центре зеркала.

– ...Буржуи уже давно применяют лазер. До чего дошли, злодеи! – оперируют даже в рядовых больницах. А мы?! Я вот сколько лет выбиваю новые кушетки... – Баранов толкнул языком грустный и одинокий зуб в чёрной шапке порчи – тот откликнулся и начал совершать свободные колебания.

Моисей Архипович дождался их затухания:

– Не-е-т, врач нужен!

Рот у Адольфа Митрофановича самостоятельно открылся. Шиллинг ехиднейшей улыбкой сопровождал своё восхищение портретом главврача: его и бывалый антрополог в эту минуту обязательно бы спутал с рожей безграмотного кроманьонца, только очки обозначали в Адольфе Митрофановиче интеллигентного человека.

– Вы что, желторотик и молокосос, смеяться надо мной?! Да я вас, скотина... – обиженный главврач вполне членораздельно прибавил новые опровержения поспешному выводу.

– Что ты можешь, дубина?..

Округлое пресс-папье с промокашкой снизу, хлопая, как вертолёт, пронеслось мимо уха Моисея Архиповича и родило мелодичный звон, угодив в стекло шкафа напротив. У дубины от усердия упали очки. Слезы злости испортили очертания предметов – они стали неясными и размножились...

...Когда резкость возвратилась, предметов уже не было. Вместо них горели синим два огромных зрачка.

– Вы колдун? – ещё успел слабо спросить Адольф Митрофанович, и язык у него отнялся. Потом пропали и слова, и чувство страха, и всё остальное. Темень. Темнота...

...Вспышка чудовищной боли в челюстях вспорола темноту. Баранов очнулся с желанием сказать: «Я вас, гадина, уволю», но вместо этого сильно кашлянул, мотнул головой и больно укусил себе язык.

– К-к-то в-в-ы?! – колотил зубами Адольф Митрофанович.

Моисей Архипович поднёс ватку. Нашатырь саданул в обмякший мозг.

– Очнулся? Подойди к зеркалу, иди, не бойся. Теперь открой рот.

– А-а-а! – без разрешения сказал Баранов и, не веря глазам, больно тяпнул себя за палец совершенно новенькими

зубами. С непривычки к чудесам голова у него снова пошла кругом. Моисей Архипович усадил беднягу в кресло.

– Палец забинтуй.

Оказалось, что главврач этого не умеет.

– На себе не получается, – прошептал он, с ужасным восторгом прикасаясь то к верхнему ряду зубов, то к нижнему, – один, два, три...

– Все тридцать два. Не беспокоят?

– Не-ет! Как вам удалось? Кто вы?

– Колдун. Не верите? Правильно. Колдунов не бывает. Любое явление имеет свою причину и объяснение. То, что было с вами, названия пока не получило... – Моисей Архипович опять перешёл на «вы», чем вызвал в собеседнике заметное успокоение и удовольствие. – Да дело ведь не в названии. Дело в том, что я сделал величайшее открытие.

Теперь мало кто понимает латынь. К тому же она, если не в ходу, быстро забывается, так сказать, *repetitio est mater studiorum*¹. Адольф Митрофанович же составлял исключение. Он всегда с элементами латыни объяснял пациентам, как надо изгонять хворь, и выписывал рецепт безотказного лекарства уверенно и размашисто: *viburnum opulus, Rubus idajus, Thea*².

– Главное – пропотеть. Пропотеть, знаете, так! – он показывал сжатый кулак, многие выздоравливали.

---

¹ Повторенье – мать ученья (*лат.*)

² Калина, малина, чай (*лат.*)

Знал латынь и Шиллинг, но почему-то не захотел на ней изъясняться, предпочтя обойтись минимумом загадочной терминологии, но совсем не обошёлся.

– Давайте я, – Моисей Архипович блестяще справился с бинтом – через мгновение прокушенный палец стал куколкой, – не давит?.. Теперь слушайте.

Шиллинг начал неторопливый рассказ.

– Вы не замечали, что странное чувство овладевает человеком, когда он ясной ночью глядит в небо? Конечно, замечали... Я часто смотрю в небо по ночам. Думается, знаете. И меня всегда восхищала, нет, дурманила! не тайна бездны, не созвездия с чудаковатыми названиями, а сила человеческого мозга... Ведь, ежели мозг вмещает в себя всю вселенную с этими парсеками, альфа-, бета-величинами, «чёрными дырами», то он – самое грандиозное, что есть в мире.

Адольф Митрофанович одобрительно и с пониманием кивнул, хотя он никак не мог догадаться, где это в мозгу, да ещё и с какими-то дырами помещается столько всего. И пока новые зубы занимали его значительно больше. Он шевелил по привычке шатать зуб все новые поочерёдно, а они не шевелились. Упражнения эти очень скоро привели к красной мозоли на языке. Баранов стал тогда слушать внимательнее.

– ...отличается от животного. Только разум может поднять человека в воздух... Вся сила человека – в его мозге. Это прописная истина, все её знают. Не будет открытием и то, что чем больше человек знает, чем больше он занимается

наукой, тем чаще он бывает нездоровым и слабым физически.

Баранов опять встрепенулся:

– Ясное дело. Ему же времени не хватает на физкультуру. *Hypodynamia*³ обязательно приводит к *ischahima*⁴, э-этим... запорам, – почему-то по-русски вспомнил он и засмутился, будто сам имел весь букетик одновременно.

– Вот-вот, и я так думал до недавнего времени. Точнее, до позавчерашнего вечера. Вздор! все хандрозы, слабость мышц, *obstipatio*⁵, – наклонив голову, понимающе улыбнулся Шиллинг, – не следствие малой подвижности, по крайней мере, у людей науки. У них это следствие огромного расхода энергии мозга или, точнее, малая её трата на физическое состояние. Если же суметь освободить всю энергию и не расходовать её по множеству мелких, так сказать, назначений, а направить в короткий промежуток времени на какую-то конкретную задачу, например, выращивание новых зубов, волос, там... изменение размеров какого-либо органа, на избавление организма от опухолей и т. д., то можно вылечить практически всё!

Адольфу Митрофановичу особенно понравилось про орган. Он с некоторой задумчивостью и с сомнением потрогал себя за нос.

---

³ Гиподинамия (лат.)

⁴ Ишемия (лат.)

⁵ Запор (лат.)

– Пожалуй, сильно заметно будет...

– Что заметно? А-а...– догадался Моисей Архипович. – Нет, на сегодня хватит. Нельзя... так вот. Самое смешное, что я психиатр, а нервные и «душевные» заболевания этим методом лечить, похоже, не смогу.

– Почему? Ведь их и так лечат.

– Не знаю. Я разработал метод, основанный на предварительном сильнейшем возбуждении и раздражении пациента, так что простите за оскорбления... методика пока, конечно, не без издержек...– осторожно покосился на шкаф Шиллинг. – Плохо, что мозг должен некоторое время отдыхать, хотя резервов незадействованной энергии очень и очень много. Вот, собственно, и всё. А теперь главное: предлагаю поработать вместе. Через недельку и поговорим. Нужна ваша светлая голова, – Моисей Архипович как-то особенно и обидно выговорил слово «светлая».

Адольф Митрофанович отнёс это к маленькой и круглой плечи на затылке и с надеждой не обиделся.

Два врача одновременно сбежали с крыльца поликлиники на дорожку и были мгновенно проглочены прохладной темнотой августовской ночи.

5

Вторую ночь раскопок Семён Савельевич встретил в ка-торжной работе. Дело неспешно продвигалось. Арктур с компанией таких же бездельников с любопытством заглядывал в котлован, который полегонечку углублялся.

«Сколько же я здесь провожусь? – спрашивал себя Семён Савельевич. – Неизвестно, есть там что или пусто... Какой-то странный курган...»

Он присел отдохнуть, освободил фонарь на песчаном дне от скопившихся вокруг него горкой осыпавшихся песчинок, поставил фонарь на место, и вдруг услышал отчётливый стук фонаря по дереву... Семён Савельевич встрепенулся и резко вскочил... «Х-р-р-у-п-п!» Ночь огласилась диким воплем, и эхо прокатилось по ночной степи и навело жуть на проснувшихся и бодрствовавших степных жильцов...

Шарахнулись в сторону перепуганные звезды, осветив своим мерцанием провал в древней могиле. Там уже затих Семён Савельевич. Он был зажат чем-то вокруг груди, одна только голова возвышалась над песком и думала: «Ну вот и могилу себе приготовил. Эх, идиот! Не выбраться ни за что... чёртов капкан... западня... пусто... пошевелить не могу... держит кто...»

Кто-то снизу ослабил хват. Бедному Семёну Савельевичу показалось, будто две живые руки ощупывают его, похло-

пывают, подбираются к груди.

– А-а... – начал Фазаратов, но не услышал себя – мрак обморока избавил его от продолжения ужаса...

... Семён Савельевич лежал на утоптанном глиняном полу рядом с зажжённым фонарём. Он простонал, сел и ощупал себя... Сквозь свист в уши долетел звук, похожий на леденящий вой волчицы в морозное полнолуние. Семён Савельевич убедился, что он в основном цел, открыл глаза и повернул голову в сторону таинственного звука. «Чёрт, темно, как в могиле... Эге-е!..» – Семён Савельевич потянулся было к рукояти кинжала на поясе, но вспомнил, что в его положении смешон даже пистолет. Ужас! Рука на полдороге замерла, легла на фонарь. Семён Савельевич вскинул фонарь над головой, свет моментально отбросил ключья темноты – вместе с ними кто-то метнулся от фонаря. Вой прекратился.

Семён Савельевич вскочил, хотел свободной рукой схватить кинжал – только ножны остались на ремне. Кинжал пропал.

– Кто здесь? Выходи!

Снова послышался тихий, но уже не вой, а печальный напев. Темень стала реже. Голубой свет, как в предрассветный час, сделал лишним электричество.

Как-то незаметно Семён Савельевич перестал бояться. Он разобрал в зыбком освещении в глубине пещеры нечто вроде старинной фортеции из вертикальных в обхват толщиной брёвен. «Зачем она здесь?! Однако, свет идёт из-за этого...

и звук».

– Ти-и-и-у-и-и... – дикая музыка неведомого певца пленила.

Семён Савельевич приблизился к стене, нашёл в ней небольшую дверцу. Она не была запертой, но держалась непонятно каким способом. Семён Савельевич в способе разбираться не захотел, толкнул дверь. Она мягко пошла внутрь.

– *Stet! Non facere!*⁶ – дверь издала поломанное почему-то обращение, и Семён Савельевич подскочил на месте – ещё бы! Услышать в чужой могиле свою фамилию... Семён Савельевич от ужаса накрепко зажмурился.

Фамилия, как и слово «стоп», звучит на всех языках приблизительно одинаково. Только следующая фраза помогла выйти из неведения.

– Открой глаза! – на скверном латинском приказала дверь.

Какой бы дурной не показалась благородная латынь знающему слуху, она сделала своё дело: Семён Савельевич открыл глаза, а вслед за ними и рот... Распахнутая дверь показала просторное помещение с таинственным светом внутри. Вообще там было много чего непонятного, но все загадочные предметы Семён Савельевич разглядел позже. В могиле кто-то ... жил.

Этот обитатель сидел на ковре спиной к выходу. Дым, за-

---

⁶ Стоять! не делать! (*лат.*)

висший над ним облачком, выдавал в существе склонность к вредной привычке: ну, раз курит, значит...

– Человек ты или дух? – набрался храбрости Семён Савельевич, решивший, что он на том свете и ему придётся здесь привыкать.

– Я не знаю, кто я, – существо повернулось не спеша к Семёну Савельевичу и оказалось ... скифским вождём.

Вождь крутил в руках пропавший кинжал с очень расстроенным видом.

– Этот акинак⁷ позорит воина, – пробурчал скиф.

Семён Савельевич ободрился началом разговора, а, ободрившись, начал искать способ его продолжения. «Надо задавать вопросы!» – созрел спасительный план.

– Почему? Нормальный кинжал...

– Акинак без красоты – не оружие, – латынь скифа отдавала чудным акцентом.

Вождь погладил пальцами лезвие у рукояти и обнаружил там девятизначный номер кинжала, решительно заключил:

– Плохой узор!

Взмах! – кинжал завертелся: «зн-зн-зн...» Взгляд Семёна Савельевича с трудом успел проводить клинок, через мгновение дрожавший в бревне прямо над его головой. «Пожалуй, не достать, высокогато», – прикинул Фазаратов.

Семён Савельевич ещё не разобрался, что произошло, но к нему явилась и очень ему понравилась мысль, что он пока

---

⁷ Короткий скифский меч

ещё, слава богу, не новосёл, а только гость царства теней.

Скиф своим вопросом помог этой мысли:

– Кто ты? Зачем здесь?

– Я археолог...я случайно...– бедняга замолчал: он увидел поднявшиеся к нему два пустых зрачка. Зрачки начали расти, слились в один, он сполз куда-то вбок, съел вождя, стены сруба – перед Семёном Савельевичем сомкнулся мрак.

Отчаянно закричал он, будто испугавшись, что самая главная в его жизни встреча по его же трусости не состоится:

– Нет, Я – вор! Вождь, я – вор, я пришёл за сокровищами... Прости!

Мрак так же внезапно отступил, снова показал сидящего скифа.

– Хорошо, ты получишь, что заслужил. Я узнал тебя. Ты тот, о ком говорила великая Апи. Слушай.

***

– Всё началось ещё тогда, когда я на всех торжествах моего племени сидел на пиру и не пил ещё вина среди таких же юнцов, не испробовавших вкуса вражеской крови. И клянусь Папаем, нет мучительней казни, чем видеть, как обносят тебя расторопные виночерпии, как презрительно усмеваются гордые молодые скифянки!

Так было и тогда. Пир шумел. И только ветер от реки при-

носил прохладу горевшему стыдом моему лицу. Я не знал, куда спрятать свои гладкие щёки!

Суетились виночерпии, разносили вино для увенчанных шрамами на обветренных лицах воинов-богатырей. Богатыри пили вино и похвалялись своими подвигами. Не было ни одного, кто бы не рассказал о том, как он один отправил в Тартар целое вражеское войско или как расправился с великаном, ростом с гору. Один даже рассказал, что затупил свой акинак, пытаясь снять кожу с руки – такая толстая кожа была у того великана! В доказательство он выдернул свой акинак и показал зазубрины.

Но вдруг тихо сделалось в нашем стане. В круг вышел страшный старик. Это был великий колдун, будто бы потомок чернокнижника Липоксая. «Нет в нашем народе человека старше меня! – сказал он своим жутким голосом. – Я скоро умру. И вот моё последнее желание: пусть конь мой останется с вами, пусть он достанется тому из юношей, кто завтра на рассвете пошлёт свою стрелу дальше других. Знайте: только этот скакун может догнать белую с чёрной гривой кобылицу, ту, что пасётся далеко отсюда в восточных степях. Говорят, что тому, кто трижды хлестнёт кобылицу нагайкой на всем скаку, будет служить сама Кибела!» С этими словами старый колдун поднял руку, свистнул. В ответ на его зов заржал и, будто из воздуха выткался, явился огненный жеребец. Никто не видел раньше этого скакуна. И не только у нас, отроков загорелись алчные очи!

Всю ночь я не мог заснуть, всю ночь я смотрел на звёзды, подложив под голову деревянный горит⁸, и умолял Кибелу помочь моей стреле одолеть назначенное расстояние. Всю ночь я просил Папая наслать ветер на стрелы моих соперников.

И боги услышали меня! Взвизгнули тетивой луки, высоко взвилась моя стрела, ветер подхватил её – всем наконецником вошла стрела в дерево на вершине кургана. Стрелы же моих соперников не достигли даже его подножия!

Так получил я огненного скакуна. Целый день я ни на шаг не отходил от моего жеребца, а ночью не сомкнул глаз. Наконец уже под утро я задумал бежать из своего племени, чтобы найти в степях Белоснежную кобылицу. Глупый юнец! Я не знал тогда, как может отомстить смертному разгневанная Кибела...

Тихо оседлал я скакуна, привязал к седлу бурдюк с кумысом, из пищи взял лишь иппаку⁹ в надежде охотой добывать себе в пути дичь на пропитание. Тайком у спящих воинов взял я себе железный щит и железный акинак, украл нагайку у старого колдуна – самую длинную в нашем племени. Лук же я оставил свой.

Вскочил на Огненного и тихим шагом подъехал сначала к матери, потом к молоденькой скифянке. Все спали. Я не знал тогда, что не увижу больше ни лица красавицы, ни лица

---

⁸ Колчан

⁹ Сыр из кобыльего молока

матери, ни родные могилы. . .

Медленно отъехал я от шатров, оглянулся – сжалось сердце, и в горечи ожёг я жеребца украденной нагайкой. Взвился скакун, как стрела устремился в сторону восточной зари. Высоко взметнулся обиженный жеребец да так и остался в воздухе, поскакал, опираясь на облака!

День быстро кончился. Стемнело, и страшно сделалось мне. Но и скакун мой утомился, опустился на землю. Я огляделся. Чужая, тёмная степь окружала меня. Измученный, я уснул в седле.

Утром я увидел, что Огненный опустился на берегу реки, такой же могучей, как и та, что течёт среди земель моего народа. Степь простиралась от реки во все стороны и насколько хватало силы глаз. Где я оказался? Куда занёс меня мой скакун? Где, в какой стороне теперь мой народ? Ужас обуял меня. Я в первый раз укорил себя за свой безумный поступок.

Долгие дни и ночи кружили мы с Огненным по степи. Ни разу не встретили мы никакого народа. Наконец, путь преградила новая река, такая же, как осталась за спиной. Я шагом поехал в ту сторону, куда текла вода. Сколько зверей напугал я у водоёма!

И вот однажды я услышал топот множества копыт. Будто пыльный вихрь пронеслось мимо перепуганное оленьё стадо. Я приготовился к встрече с волками. Огненный захрапел, заржал, взвился на дыбы. Я увидел Белоснежную!

Красавица-кобылица, белая, как молоко, с гривой как ночь, стояла на высоком холме, прядала ушами и, раздувая ноздри, смотрела в мою сторону. Огненный завертелся, снова заржал, кобылица ответила и пошла рысью, только комья земли полетели на зелёную траву.

Нет, не зря я родился скифом! Загорелась душа, второй раз отведал Огненный силу моей нагайки. Это была скачка! Белоснежная шла ровным бегом далеко впереди, но и Огненный не отставал. Не соврал колдун! Снова ожёг я жеребца плетью, он соколом взмыл в небо, соколом упал на добычу. Уже у земли я со свистом опустил нагайку на белую спину – могучее ржание огласило степь, ураган пошёл по соснам на берегу, вырывал деревья с корнем, бросал их на середину реки. Одним прыжком ушла Белоснежная. Огненный остановился – он больше не боялся моей нагайки.

Наутро всё повторилось. Белоснежная, дразня, опять появилась на холме. И снова лишь к концу дня моя нагайка опустилась на её спину – гром ударил, огонь упал с неба, загорелась степь, Огненный снова стал, ушла кобылица.

Но и в третий раз она появилась. Я пустился в последнюю погоню. Три раза ночь сменила день и день сменил ночь. На рассвете четвёртого дня я увидел, как остановила свой бег Белоснежная: впереди неё могучая река слилась вместе с такой же могучей. Кобылица была в западне. Но и мой конь стал от Белоснежной на расстоянии одного своего прыжка. Я взмахнул плетью, ударил по земле – Огненный пал на ко-

лени. Ударил ещё – упал жеребец. Больше он уже не поднимался. В ярости хлестал я издыхающего жеребца, и лопнула проклятая колдунова плеть, разорвалась на мелкие клочки.

Завыл я тогда от злобы, выхватил стрелу из горита, в пальцы врезалась натянутая тетива – засвистела калёная стрела. Точно во сне я увидел, как настигла она белоснежную кобылицу, как взметнулась та в последний раз и ещё живая рухнула с крутого обрыва...

Потемнело небо. Тучи нашли на него со всех сторон и закрыли свет. Шелест и гул разнёсся по воздуху. Я увидел: не тучи то были – то были несметные стаи чудищ-грифонов. Они налетали со всех сторон и опускались вокруг меня тесным кругом. Сверкали хищные их глаза, клетотали страшные клювы. Жуткую же смерть послали мне боги!..

Вдруг змеиное шипение раздалось – грифоны задрожали и замерли на месте, так близко от меня, что некоторые были уже готовы растерзать меня своими клювами.

«Постой, Кибела! Оставь его, – раздался надо мной громкий голос, – оставь!»

Грифоны отступили, расступились.

Поднять голову я не посмел: сама Кибела пришла казнить меня! Казнить, а не служить мне, как говорил проклятый колдун.

Будто корсаки захохотали кругом:

– «Он заслужил эту казнь, Апи! Не мешай мне». – «Нет, Кибела, убери своё войско. Оставь ему жизнь. Но пусть он

проведёт её один в могиле, и пусть не дано ему будет лишить себя жизни, пусть вырастет он и станет вождём без рода и племени... Пусть душа его тогда предстанет пред очи свирепого Нии, когда нарушит покой его могилы новый грешник». – «Будь по-твоему, Апи. Для веселья же я оставлю ему своё золотое зеркальце».

Захотало всё вокруг, вихрь поднялся и унёс грифонов. Я решился наконец поднять свой взор. Я увидел, как сверкнуло в небе и упало рядом со мной зеркало Кибелы... старый колдун, что надоумил меня на мой ужасный поход, глянул оттуда. Силы оставили меня. Очнулся я уже в этом склепе.

Вот это зеркало.

Семён Савельевич увидел золотую овальную пластину, обрамлённую змеями и драконами. Скиф протягивал её ему. Но только Фазаратов притронулся к золоту – исчез скиф, пропал, будто и не существовал вовсе.

Семён Савельевич пошевелил ноздрями, чихнул и очнулся. Отважный муравей, вызвавший чох, маленьким кубарем отлетел в сторону, где с возмущением начал обсыхать в первом свете нового дня. Вставало солнце. Косым лучом солнце пощекотало Семёна Савельевича, он, мотнув головой, чихнул ещё два раза. «Надо же, опять насморк», – грустно отметила голова. Она сиротливо торчала над песком и была похожа со стороны затылка на крупный подосиновик или боровик. Со стороны лица картина была куда менее естественной. В живой и в неживой природе невозможно подобрать аналог выражению человеческого страдания. Семён Савельевич страдал. Он по-прежнему был стиснут дырой провала, а его безучастная душа не желала засветить взгляд пленника даже слабенькой искрой надежды. Однако нога нашла вдруг опору, грудь вытолкнула воздух, древняя могила разжала объятья...

Тысячами радуг разлилось в росе отдохнувшее ночью солнце, и теперь оно величественно восходило к зениту. Провожая его в путь, гасли звёздочки росы, и когда солнце достигло своего трона, умытая степь приветствовала властелина шелестом просохшей полыни. Всё ожило, начало свистеть, жужжать, стрекотать...

«Что это я рот разинул?!» – опомнился Семён Савелье-

вич. Он огляделся: зрелище было жалким, в беспорядке валялись всякие предметы, принадлежавшие ему, и – о боже! – Семён Савельевич не смог отыскать в котлованчике даже намёка на недавние события: провал исчез.

Наспех собравшись, Семён Савельевич вскочил на велосипед и пустился во весь дух прочь от проклятого места. Он так торопился, что не заметил у себя на поясе на месте пропавшего кинжала какой-то кожаный футлярчик.

К вечеру ему удалось добраться до какого-то села. Он смешался с малолетними ковбоями, поистине цирковыми трюками на верных велосипедах заставлявшими упрямую скотину забыть про запретные лакомства на общественных полях.

Наглотавшись кислой пыли, поднятой вернувшимся с пастбища деревенским стадом, Семён Савельевич успокоился и даже начал размышлять про коров, примерно следующим образом: «Как все-таки жизнь коровы похожа на нашу. Вот встаёт эта Зорька утром и отправляется, бедняжка, на службу, пасётся, пасётся на жаре, под дождём... Потом её доят, доят, а состарится – на колбасу». Коровы и не подозревали, что их стадо внушило Семёну Савельевичу такие гуманные ассоциации. «Прут, прямо как с завода после смены».

Фазаратов пустился в размышления о единстве мира человека с миром животных и не заметил, как вслед за одной пёстрой скотиной очутился возле чьей-то ограды. Чья это ограда, догадаться было нетрудно. Корова по-хозяйски заре-

вела, где-то в глубине двора послышалось ворчливое женское: «Октябрина пришла – иди, загоняй». У ограды возник хозяин коровы и председатель колхоза «Победим» товарищ Трофимов.

Председатель с подозрением посмотрел на чужака и на его странный велосипед с двумя ящиками, открыл ворота и впустил Октябрину.

Октябрина первым делом сунула морду в корыто с зерном, насмерть перепугав окружавших его на законном основании отборных леггорнов, нахально фыркнула и игриво, как какая-нибудь легкомысленная нетель, взбрыкнула ногами – корыто опрокинулось, а куры разлетелись.

– Ну, пошла! – Октябрина получила воспитательный удар палкой, степенно пыхтя и мотая хвостом, проследовала на место. Там в кормушке её ждал обильный и вкуснейший ужин.

Товарищ Трофимов оказался удивительно примерным хозяином. Добрый пятистенник был первым в деревне особняком усадебного типа, оборудованным всеми известными председателю удобствами. Вообще образ жизни товарища Трофимова служил прекрасным маяком для обозначения курса: крепкий хозяин!

– Здравствуйте, вы ко мне?

– Похоже, к вам, – тихо ответил Фазаратов.

– Ну, заходите.

Семён Савельевич зашёл.

– Подождите пока здесь. Пойду корову напою, – указал на скамейку под берёзой председатель и крикнул жене: – Маша, а у нас гости!

«У тебя каждый день гости... ни днём, ни ночью...» – пробурчала Маша, вышла из огорода с беременем какой-то травы и не удостоила Семёна Савельевича никаким знаком внимания.

Через полчаса председатель освободился от крестьянской работы, а Маша хмуро и сосредоточенно дёргала Октябрьину за соски.

Семён Савельевич нашёл нужным представиться:

– Фазаратов, Семён Савельевич. Археолог...

Председатель почему-то полагал, что его знают все и, поправив на носу тёмные очки, сразу перешёл к делу.

– К нам-то зачем?

– Проездом. Простите, как вас зовут?

– Трофимов, Пётр Гаврилович. Председатель колхоза.

– Понимаете, Пётр Гаврилович, со мной приключился странный и ужасный случай, – начал Семён Савельевич, но потом вдруг сообразил, что произойдёт, если рассказать, и замолчал.

– Что такое?

– Сломался велосипед... Ночевать в степи не могу – насморк.

Семён Савельевич кстати и натурально чихнул.

– Так переночуете у меня... Я сейчас...

Председатель открыл ворота и впустил самосвал. Самосвал задрал кузов над специальной ёмкостью, и из него посыпался какой-то новый гостинец для Октябрины.

В селе ужинают поздно. За ужином хозяйка подобрела, глядя как проголодавшийся Фазаратов уплетает всё, что она приготовила. Ужин состоял из салата. И понятное дело, за знакомство не обошлось без выпивки.

– Армяне у нас тут кошару строили. Из Армении, – пояснил председатель, наливая по добрых полстакана отборного армянского коньяку.

– Эх, не пойму чего в нем такого, что дорогой такой... – покраснелась Маша и наколола на вилку кружок от помидора, который неловко крутнулся на зубцах и моментально сполз по ручке.

– Семён, расскажи про твою работу, – обнял гостя товарищ Трофимов, – а то мой шалопай на тот год школу заканчивает. Может, его археологом сделать?!

– Сын что, историю любит?

– Лентяй он! – почему-то обозлился председатель.

– Что ж ты так про родного сына! Учителя вон хвалят, особенно по физике, – тут же вмешалась Маша.

– Да хвалят, хвалят...

– Где он сейчас?

– В гости сорвался. Я ведь сюда недавно переведён, а он отвыкнуть не может. Поехал к друзьям в соседний колхоз, а может, к девке... – сообщил Пётр Гаврилович и потянулся

было к «Отборному», но рука вместо бутылки нашла на столе пустое место.

– И когда ты успеваешь? Тебе бы в цирк фокусником или воровать, – обиделся на жену Трофимов, в сердцах противно скрипнул вилкой по эмали, вылавливая оставшиеся помидоры в золотистом соке, и выловил все.

– Подрезать ещё? – с готовностью предложила Маша.

– Нет, спасибо, – вяло ответил Фазаратов.

Последнее слово хозяина произвело на него нехорошее воздействие. Он с трудом сохранял заинтересованный вид во время увлечённого рассказа председателя о будущем сына-шалопая. «...У нас есть свой государственный университет в городе...» – долетело до Фазаратова, и он опять погрузился в тягостные и неотвязные размышления: «Всю жизнь вру. Вор я, а не археолог...»

– ...юристом! – ворвалось словечко и клином застряло в голове у Семёна Савельевича.

– Сёма, да ты совсем уснул. Давай, мать, стели.

Мать уже давно все сделала и с умилением слушала мужа. Глаза у неё влажно блестели.

Шуршащая простыня приняла измученного и простуженного путника. Семён Савельевич забылся адским сном.

***

В первую очередь, непонятно как он опять оказался на

скифском кургане и почему-то снова с лопатой. Семён Савельевич не узнавал холм – вместо весёлой зелёной шевелюры матово и зловеще отсвечивал огромный гранитный череп. Ужасное сходство довершали два зияющих провала на месте глаз, и ввалившийся каменный рот с редкими осколками зубов-камней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.